

ОСТРАКИЗМ и ОСТРАКОНЫ: в Афинах и за их пределами*

Великолепный комплекс остраконов из Херсонеса Таврического¹ имеет большое значение не только для исследования истории этого причерноморского полиса. Он заставляет по-новому взглянуть и на сам институт остракизма, его генезис, сущность и эволюцию. В данной краткой статье будут затронуты три вопроса, для решения которых со-поставление сведений античной традиции с данными ненarrативного характера (из Херсонеса и не только из него) может оказаться наиболее плодотворным. Это, прежде всего, вопрос об известных нам случаях применения остракизма за пределами Афин. Уже исходя из выводов, полученных при рассмотрении этой проблемы, можно будет возвратиться к вопросу о времени появления процедуры остракизма в греческом мире. Наконец, в целях максимально полной верификации гипотезы о назначении херсонесских остраконов необходимо коснуться вопроса идентификации, рассмотрев возможные альтернативные интерпретации подобного рода граффити.

I

Вплоть до недавнего времени остракизм считался явлением афинским κατ' ἔξοχήν. Практически все исследования и уж во всяком случае все книги, посвященные остракизму, имели в виду исключительно афинский материал, что отражалось даже в их заголовках.² Нельзя

* Автор считает своим приятным долгом поблагодарить Ю. Г. Виноградова и А. А. Молчанова. Плодотворные беседы с ними дали толчок многим идеям, развивающимся в статье. Разумеется, недостатки статьи следует всецело относить на счет автора.

¹ Последние работы, посвященные этим остраконам: Ю. Г. Виноградов, М. И. Золотарев. Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник 9 (Севастополь 1998) 36–46; Ju. G. Vinogradov, M. I. Zolotarev. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // *Minima epigraphica et papyrologica* 2 (1999) 111–131 (там же указана предшествующая литература); Ю. Г. Виноградов, М. И. Золотарев. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 г. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 г. (Москва 1999) 106–114. К настоящему времени число этих памятников подходит к полусотне.

² Напр.: K. Lugebil. *Über das Wesen und die historische Bedeutung des Ostrakismos in Athen* (Lpz. 1861); A. Martin. *Notes sur l'ostracisme dans Athènes* (Paris 1907);

сказать, чтобы исследователям были неизвестны имеющиеся в источниках упоминания об ostrакизме и аналогичных процедурах за пределами афинского полиса. Но их оставляли в стороне, полагая (и в какой-то мере не без основания), что из столь скучной и отрывочной информации добыть какие-то позитивные сведения невозможно.

Напомним, о каких упоминаниях идет речь. Аристотель в “Политике” говорит о применении ostrакизма “в некоторых государствах, как, например, в Аргосе и в Афинах”.³ Схолиаст к Аристофану, опираясь, судя по всему, на такого авторитетного ученого, как Феофраст,⁴ добавляет к этому списку также Милет и Мегары.⁵ О времени функционирования ostrакизма в перечисленных полисах эксплицитно не сообщается. Наконец, Диодор (XI, 86, 5 – 87, 6) сообщает о введении в Сиракузах в 450-х гг. до н. э. процедуры петализма (*πεταλισμός*), лишь в деталях отличавшейся от афинского ostrакизма, а по целям и способу применения полностью ему тождественной.⁶

Информация, действительно, более чем скучная. Однако совсем недавно она достаточно неожиданно начала подтверждаться находками документальных памятников, гипотетически, но с немалой долей уверенности связываемых с ostrакизмом. Речь, естественно, не идет о Сиракузах: листья с надписями, какие бы листья это ни были, сохранились, конечно, не могли. А вот полисы, указываемые Аристотелем и схолиастом к Аристофану (Феофрастом), теперь, кажется, могут похвастаться собственными экземплярами ostrаконов.

В 1986 г. было сообщено о находке на агоре Аргоса граффито на черепке чернолакового скифоса, датируемого первой четвертью V в.

Carcopino J. *L'ostracisme athénien* (Paris 1935); E. Vanderpool. *Ostracism at Athens* (Cincinnati 1970).

³ Arist. *Pol.* V, 1302 b 18: διὸ ἐνιαχοῦ εἰώθασιν ὀστρακίζειν, οἷον ἐν Ἀργεί καὶ Ἀθήνησιν.

⁴ Наиболее подробно вопрос разбирается в работе: A. E. Raubitschek. Theophrastos on Ostracism // *Classica et mediaevalia* 19 (1958) 73–109. См. также: H. Bloch. Theophrastus' Nomoi and Aristotle // *Athenian Studies Presented to W. S. Ferguson* (Cambridge Mass. 1940) 358; W. R. Connor, J. J. Keaney. Theophrastus on the End of Ostracism // *AJPh* 90 (1969): 3, 316; J. J. Keaney. Theophrastus on Ostracism and the Character of his NOMOI // *Aristote et Athènes*. (Paris 1993) 264.

⁵ *Schol.* Aristoph. *Equ.* 855: οὐ μόνον δ' Ἀθηναῖοι ὀστρακοφόρουν, ἀλλὰ καὶ Ἀργεῖοι καὶ Μιλήσιοι καὶ Μεγαρεῖς.

⁶ M. Guarducci. *Epigrafia greca* II (Roma 1969) 525, № 1. О сиракузском петализме см. также: Sh. Berger. Democracy in the Greek West and the Athenian Example // *Hermes* 117 (1989): 3, 304–306. Слово “петализм” попало в лексикон Гесихия: Hesych. s. v. πεταλισμός ὁ διὰ φύλλων ὀστρακισμός γινόμενος.

до н. э.⁷ Сама надпись, по оценкам авторов сообщения, принимающих во внимание формы букв, относится ко второй четверти того же столетия. Надпись содержит одно лишь имя: *”Ἀλκανδρός*. Имя это пока не зафиксировано в просопографии Аргоса, но звучит вполне аристократически.⁸ Пока аргосский остракон остается единичной находкой, он не дает, конечно, права на однозначные выводы общего порядка (к этому вопросу мы вернемся ниже). Отметим только, что среди афинского материала, насчитывающего уже более 11000 экземпляров,⁹ отнюдь не являются редкостью остраконы, на которых указано лишь имя “кандидата”, без патронимика, демотика и каких-либо иных уточнений.

В 1987 г. греческий исследователь Х. Крицас опубликовал первый остракон, найденный в Мегарах.¹⁰ На нем мы находим уже имя с патронимиком: *‘Ηράκλειτος Παγχάρε[ος]*. Данный остракон представляет собой не черепок, а цельный небольшой сосуд (со слегка отбитым краем), на котором была сделана надпись. Но это не должно нас смущать – остраконы именно такого типа встречаются и в Афинах. В частности, среди 190 остраконов с именем Фемистокла, найденных в 1937 г. на северном склоне Акрополя, 26 являются не черепками, а цельными сосудами.¹¹ В вопросе о датировке остракона Крицас колеблется, предлагая несколько возможных вариантов: 427–424 гг., начало IV в., годы после сражения при Левктрах или перед Херонейской битвой. Что касается времени введения остракизма в Мегарах, Крицас опять-таки выдвигает две возможные даты (ок. 460 г. или 427–424 гг.), однако здесь его аргументация вряд ли имеет прочные основания, поскольку он однозначно исходит из тезиса о заимствовании мегарянами института остракизма из Афин.

⁷ A. Pariente, M. Piérart, J.-P. Thalmann. Argos: Agora // *BCH* 110 (1986): 2, 764–765. Там же приведена прорись остракона.

⁸ Остракизм, как известно, применялся в отношении влиятельных аристократов – потенциальных претендентов на тираническую власть. Уже Фукидид (VIII, 73, 3) отмечает, что ему подвергались лица, вызывавшие у демоса *δυνάμεως καὶ ἀξιώματος φόβον*. Это справедливо не только для Афин, но и для Сиракуз (Diod. XI, 87, 4).

⁹ Публикация остраконов с Агоры: M. Lang. *Ostraka* (The Athenian Agora XXV, Princeton 1990). Публикации остраконов с Керамика: W. Peek. *Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln* (Kerameikos III, B. 1941) 51–87; F. Willemse. *Ostraka* // *AM* 80 (1965) 100–126. Уточненный перечень неопубликованных остраконов с Керамика: F. Willemse, S. Brenne. *Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka* // *AM* 106 (1991) 147–156.

¹⁰ X. B. Κρίτσας. Τὸ πρῶτο μεγαρικὸ δόστρακον // *Ηόρος* 5 (1987) 59–73.

¹¹ O. Broneer. Excavations on the North Slope of the Akropolis, 1937 // *Hesperia* 7 (1938): 2, 242–243; Lang. *Op. cit.*, 142–161.

Таким образом, почти во всех полисах, упоминаемых в письменных источниках в связи с остракизмом, найдены экземпляры остраконов. Исключением пока остается Милет.¹² Повторим еще раз: никакого значения не имеет единичный, изолированный характер находок. Достаточно напомнить афинскую статистику: первый остракон был опубликован в 1870 г. и оставался единственным до 1887 г., когда был издан второй. Если бы на этих остраконах не стояли имена известных афинских политиков (Мегакл, сын Гиппократа, и Ксантипп, сын Арифрон), изгнание которых остракизмом к тому же было зафиксировано в письменных источниках (*Arist. Ath. pol.* 22), еще неизвестно, были бы они верно идентифицированы и не рассматривали ли бы их в числе граффити неясного назначения.¹³

Вышесказанное не исчерпывает нового материала. Появились сведения об остракизме в городах, в которых, исходя только из нарративной традиции, мы не могли бы и заподозрить существование этого института. В 1994 г. была опубликована довольно большая группа остраконов, найденных итальянскими археологами в Кирене.¹⁴ Киренская группа включает 12 экземпляров. Девять из них было найдено на агоре Кирены в 1993 г., а остальные три приобщены к ним после анализа более ранних находок. На всех киренских остраконах стоит имя “кандидата” в сочетании с патронимиком. Характерно, что девять остраконов, т. е. три четверти общего количества, направлены против одного лица – некоего Праксиада, сына Зениса. Л. Баккельи, опубликовавший киренские остраконы, датирует их концом V в. до н. э. и тоже связывает с афинским влиянием.

Наконец, остраконы из Херсонеса Таврического являются, так сказать, венцом всех этих неафинских находок. Теперь Херсонес обладает второй в мире по числу (после Афин) коллекцией остраконов. Что же касается хронологических рамок, то продолжительность функцио-

¹² Впрочем, как любезно сообщил нам Ю. Г. Виноградов, среди неопубликованных милетских граффити есть экземпляр, по ряду критериев вполне подходящий на роль остракона (в юридическом смысле).

¹³ Вплоть до 1910 г. количество афинских остраконов исчислялось единицами, до 1930-х гг. – десятками, к 1950-м гг. их число перевалило за тысячу, а ныне, как известно, их еще в десять раз больше. К истории находок см.: A. E. Raubitschek. Athenian Ostracism // *Classical Journal* 48 (1953): 4, 113–122; R. Thomsen, *The Origin of Ostracism* (Copenhagen 1972) 68–70; A. Martin. L'ostracisme athénien: un demi-siècle de découvertes et de recherches // *REG* 102 (1989) 124–145. [По устному сообщению М. Пьерара, Аркос архаического и классического периодов археологически пока совершенно не исследован. – Ред.]

¹⁴ L. Bacchielli. L'ostracismo a Cirene // *RFIC* 122 (1994): 2, 257–270.

нирования херсонесского остракизма была, судя по всему, даже больше, чем у классического афинского.¹⁵

Следует учитывать, что каждый следующий год может принести новые находки остраконов – как в вышеупомянутых полисах, так и в каких-то других. В связи со сказанным стоит упомянуть, что в Эфесе на рубеже VI–V вв. до н. э. применялся способ изгнания, имевший определенные черты сходства с афинским остракизмом. В данном случае в нашем распоряжении такой авторитетный источник, как современник и даже в известной степени участник описываемых событий – философ Гераклит. В одном из сохранившихся фрагментов (B 121 DK), почти без разнотечений передаваемом рядом авторов (Цицероном, Страбоном, Диогеном Лаэрцием), Гераклит, горько сетя на изгнание эфесцами аристократа Гермодора, приводит формулировку, обосновывающую изгнание: “Среди нас никто да не будет наилучшим, а коли есть такой, быть ему на чужбине и с другими!”¹⁶

Неизвестен способ проведения голосования об изгнании в Эфесе: осуществлялось ли оно с помощью черепков, листьев или каким-то иным путем. Неизвестно, было ли это изгнание ограничено каким-то сроком (десятью годами, как в Афинах, пятью, как в Сиракузах, и т. п.), или же оно являлось пожизненным. Неизвестно, был ли случай с Гермодором единственным, или мы имеем дело с какой-то системой. Известна цель изгнания – удаление выдающегося и тем самым опасного гражданина, и это именно та цель, которая имелась в виду при введении и применении остракизма в Афинах.¹⁷ Известен субъект принятия решения: Ἐφέσιοι, то есть, очевидно, эфесский демос, народное собрание, и это тоже совпадает с афинской практикой.

При обозрении неафинских остраконов и релевантного нарративного материала не может не возникнуть естественный вопрос: скла-

¹⁵ Херсонесские остраконы “заполняют собой весь V в. до н. э.” (Виноградов, Золотарев. Ук. соч., 37) и, не исключено, еще и часть IV в.

¹⁶ Ἡμέων μηδὲ εἰς ὄντιστος ἔστω εἰ δὲ τις τοιοῦτος, ἀλλή τε κοὶ μετ' ἄλλων.

¹⁷ Plut. *Aristid.* 7: μοχθηρίας γάρ οὐκ ἦν κόλασις ὁ ἐξοστρακισμός, ἀλλ' ἐκαλεῖτο μὲν δι' εὐπρέπειαν δύκον καὶ δυνάμεως βαρυτέρας ταπείνωσις καὶ κόλουσις, ἦν δὲ φθόνου παραμυθία φιλάνθρωπος, εἰς ἀνήκεστον οὐδέν, ἀλλ' εἰς μετάστασιν ἐτῶν δέκα τὴν πρὸς τὸ λυποῦν ἀπερειδομένου δυσμένειαν. Plut. *Them.* 22: Τὸν μὲν οὖν ἐξοστρακισμὸν ἐποιήσαντο κατ' αὐτοῦ, κολούοντες τὸ ἀξιώμα καὶ τὴν ὑπεροχήν, ὃσπερ εἰώθεσαν ἐπὶ πάντων οὓς ὤντο τῇ δυνάμει βαρεῖς καὶ πρὸς ισότητα δημοκρατικὴν ἀσυμμέτρους εἶναι. κόλασις γάρ οὐκ ἦν ὁ ἐξοστρακισμός, ἀλλὰ παραμυθία φθόνου καὶ κουφισμός, ἡδομένου τῷ ταπεινοῦν τοὺς ὑπερέχοντας καὶ τὴν δυσμένειαν εἰς ταύτην τὴν ἀτιμίαν ἀποπνέοντος.

дывался ли институт остракизма самостоятельно в разных полисах или же первоначально в одном месте? И если в одном, то повсюду ли следует говорить об афинском влиянии, заимствовании из Афин? Как правило, исследователи считают второй вариант ответа чем-то самим собой разумеющимся.¹⁸ Так, Р. Томсен в монографии, специально посвященной происхождению остракизма, даже не рассматривает возможных альтернатив, ссылаясь на общепринятое мнение.¹⁹ Однако, строго говоря, прямо сообщается о заимствовании из Афин только в связи с сиракузским петализмом. Во всех остальных случаях прямое афинское влияние не должно постулироваться a priori. Это – гипотеза, имеющая не только право на существование, но и достаточно веские резоны в свою пользу, однако ее следует принимать во внимание наряду с любой другой, не отвергая заведомо ни одну из них и учитывая новейшие данные.

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо упомянуть о четырех обстоятельствах. Во-первых, мы встречаем остракизм с той или иной степенью уверенности во всех частях греческого мира – от Сицилии до Малой Азии и от Крыма до Северной Африки. Вне сомнения, в отдельных конкретных случаях мы можем и даже должны говорить об афинском влиянии. Но постулировать его для всех перечисленных полисов – не будет ли это гипертрофированным “афинокентризмом”? При этом характерно, что, помимо Афин, остраконы пока найдены только в дорийских государствах (Херсонес, Кирена, Мегары, Аргос). Следует ли допустить, что афинское влияние в V в. до н. э. охватило прежде всего дорийский мир, а не ионийский, родственный Афинам и находившийся с ними в эту эпоху в куда более тесном контакте?

Кажется, это повело бы к некоторым неувязкам. Так, в Кирене, по мнению Л. Бакьелли, остракизм был введен уже после того, как этот институт вышел из употребления в Афинах²⁰ (впрочем, исследователь сознает, что соответствующая датировка влечет определенные трудности). Однако, если найденные экземпляры киренских остраконов относятся к концу V в., то это дает нам только *terminus ante quem* для введения самой процедуры. Более того, уже сопоставление с другим известным материалом заставляет допустить и иную датировку. Как

¹⁸ Для Сиракуз: Berger. *Op. cit.*, 305. Для Мегар: Κριτζάς. *Op. cit.*, 60–61. Для Кирены: Bacchielli. *Op. cit.*, 263–264.

¹⁹ Thomsen. *Op. cit.*, 12: “Even if it must be stressed that absolute certainty is out of the question, there is no valid reason for deviating from the common assumption”.

²⁰ Bacchielli. *Op. cit.*, 264.

в Афинах, так и в Сиракузах остракизм был учрежден вскоре после свержения тирании, и, наверное, в этом следует видеть некую общую закономерность. Резонно предположить, что аналогичным образом события развивались и в Кирене, и, следовательно, введение остракизма последовало за изгнанием последнего киренского тирана из династии Баттиадов Аркесилая IV (ок. 440 г. до н. э.). Однако Баккельли не может допустить эту вполне очевидную возможность, поскольку для этого времени еще нельзя говорить о тесных контактах Кирены с Афинами. Мы оказываемся в порочном круге. А что, если остракизм пришел в Кирену не из Афин, а из какого-то другого места? Такая возможность даже не рассматривается.

Во-вторых, обратим внимание на порядок слов у Аристотеля (*Pol.* 1302 б 18), когда он говорит об остракизме ἐν Ἀργεί καὶ Ἀθήναις. Едва ли Стагирит расположил здесь названия городов в произвольном порядке. Логичнее считать, что у него были для этого какие-то веские основания, например, имевшиеся в его распоряжении сведения о том, что аргосский институт остракизма древнее афинского.²¹ Во всяком случае, если бы Аристотель абсолютно точно знал, что родина остракизма – Афины, следует полагать, что их он и поставил бы на первое место. Но, очевидно, в отличие от многих ученых XIX–XX вв., такой безоговорочной уверенности он не имел.

В-третьих, напомним об упоминавшемся выше “квази-остракизме” в Эфесе. В этом случае мы уже точно не вправе предположить никакого афинского влияния по хронологическим соображениям. А с другой стороны, эфесский случай, кажется, подтверждает отмеченную выше закономерность: описанные Гераклитом события, насколько можно судить, имели место вскоре после ликвидации тирании Меланкома (*Clem. Alex. Strom. I*, 65). Создается впечатление, что в некоторые эпохи идея остракизма в греческом мире прямо-таки носилась в воздухе.

В-четвертых, наиболее ранние из херсонесских остраконов датируются самым началом V в. до н. э. При этом вполне очевидно, что изначальная херсонесская аployкия не изобрела института остракизма самостоятельно, а унаследовала его – либо прямо, либо через посредство Гераклеи Понтийской – из своей “праметрополии” Мегар. В последних, таким образом, остракизм должен был практиковаться уже в VI в. Ничего фантастического в этом нет, если мы вспомним о перипетиях мегарской истории этого периода. Вскоре после свержения

²¹ Cp.: W. V. Harris. *Ancient Literacy* (Cambridge Mass. 1989) 55.

тирана Феагена, не позже рубежа VII–VI вв., в Мегарах установилась “необузданная демократия” (ἀκόλαστος δημοκρατία, Plut. *Mor.* 304 e), кстати, едва ли не первый известный случай демократического правления в греческом мире.²² Уже ко времени основания Гераклеи эта демократия сменилась олигархией, с тех пор очень стабильно и почти без перерывов державшей бразды правления в мегарском полисе в течение нескольких веков. С каким-то из этих событий и может быть связано введение мегарского ostrakizma.²³

Вопрос об афинском приоритете (или отсутствии такового) при появлении института ostrakizma не может рассматриваться в отрыве от вопроса о времени его происхождения. К нему мы теперь и обратимся.

II

В настоящее время можно считать уже практически полностью оставленной исследователями наиболее позднюю из возможных датировок введения ostrakizma – 487 г. до н. э., базировавшуюся на так называемом “свидетельстве Андротиона” (*FGrHist* 324 F 6 = Наргосг. s. v. “Ιππαρχος²⁴”), а также на общих соображениях о том, что бессмысленно было бы создавать столь мощное оружие, как ostrakizm, чтобы потом на двадцать лет оставить его без применения.²⁵ Что касается Андротиона, то, как было убедительно показано,²⁶ его текст был искажен при

²² Об этих событиях см.: R. P. Legon. *Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B. C.* (Ithaca – London 1981) 104–135.

²³ Подробнее см.: И. Е. Суриков. *Ostrakizm в Мегарах и Херсонесе Таврическом* // Проблемы антиковедения и медиевистики (Нижний Новгород 1999) 48–52.

²⁴ ἄλλος δέ ἐστιν "Ιππαρχος ὁ Χάρμου, ὃς φησι Λυκούργος ἐν τῷ κατὰ Λεωκράτους: περὶ δὲ τούτου Ἀνδροτίων ἐν τῇ β φησὶν ὅτι συγγενῆς μὲν ἦν Πεισιστράτου τοῦ τυράννου καὶ πρῶτος ἔξωστρακίσθη τοῦ περὶ τὸν ὀστρακισμὸν νόμου τότε πρῶτον τεθέντος διὰ τὴν ύποψίαν τῶν περὶ Πεισιστράτον, ὅτι δημαγωγός Ḁν καὶ στρατηγὸς ἐτυράννησεν.

²⁵ Наиболее аргументированно данную точку зрения, впервые предложенную еще Белохом и Де Санктисом, отстаивал Р. Вернер: R. Werner. Die Quellen zur Einführung des Ostrakismos // *Athenaeum* 36 (1958): 1/2, 48–89. Подробное обсуждение проблемы см. в книге: Thomsen. *Op. cit.*, passim. Недавно была предпринята попытка возродить модифицированный вариант поздней датировки: N. A. Doenges. Ostracism and the Bouleiai of Kleisthenes // *Historia* 45 (1996): 4, 387–404 (подробнее см. ниже).

²⁶ K. J. Dover. Androton on Ostracism // *CIR* 13 (1963): 3, 256–267; J. J. Keaney. The Text of Androton F 6 and the Origin of Ostracism // *Historia* 19 (1970): 1, 1–11; idem. Androton F 6 Again // *Historia* 25 (1976): 4, 480–482; K. Meister. Zum Zeitpunkt der Einführung des Ostrakismos // *Chiron* 1 (1971), 85–88; Thomsen. *Op. cit.*, 51–60; K. R. Walters. FGrHist 324 F 6: A New Conjecture // *RhM* 127 (1984): 3/4, 223–226;

передаче Гарпократионом или эпитоматором последнего, в действительности же аттидограф, по всей вероятности, связывал закон об остракизме с реформами Клисфена: такая датировка эксплицитно приводится в соответствующем пассаже “Афинской политии”, почти дословно совпадающем с дошедшей до нас цитатой из Андротиона. В отношении же двадцатилетнего промежутка между официальным введением остракизма и его первым применением, помимо весомых соображений, приводимых Томсоном и другими и касающихся конкретно-политических обстоятельств рубежа VI–V вв. до н. э., можно указать еще и на тот факт, что остракизм (за исключением бурного десятилетия между Марафоном и походом Ксеркса) вообще был мерой, использовавшейся крайне редко, с промежутками в 10–20 лет,²⁷ а после 416–415 гг.²⁸ он вообще перестал применяться, но тем не менее отменен не был и оставался столь же мощным оружием, пусть и не вводимым в действие.²⁹

Итак, “отцом” остракизма следует считать Клисфена? В той форме, в какой этот институт функционировал в Афинах V в. до н. э., от изгнания Гиппарха, сына Харма, до изгнания Гипербола, – безусловно.³⁰ Однако ныне есть серьезные основания полагать, что данная конкретная процедурная форма остракизма не была ни единственной, ни самой ранней даже в Афинах.

В 1972 г. внимание исследователей оказалось привлечено к фрагменту одной византийской рукописи (*Vaticanus Graecus 1144, fol. 222^r*) – тексту хотя и очень позднему (XV век) и довольно путаному, но восходящему, по крайней мере отчасти, к достаточно раннему и авторитетному источнику (Феофрасту?).³¹ Из сведений, содержащихся в

K. H. Kinzl. AP 22.4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos // *Klio* 73 (1991): 1. 28–45.

²⁷ D. J. Phillips. Athenian Ostracism // *Hellenika: Essays on Greek Politics and History* (North Ryde 1982) 21–43; H. B. Mattingly. The Practice of Ostracism at Athens // *Antichthon* 25 (1991) 1–26 (хотя не со всеми датировками, приводимыми в последней работе, мы можем согласиться).

²⁸ Наиболее подробный разбор проблемы датировки последнего остракизма см.: P. J. Rhodes. The Ostracism of Hyperbolus // *Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis* (Oxford 1994) 85–98.

²⁹ M. R. Christ. Ostracism, Sycophancy, and Deception of the Demos // *CIQ* 42 (1992): 2, 340.

³⁰ Наиболее вероятной гипотезой о конкретных обстоятельствах принятия закона об остракизме в Афинах считается выдвинутая в работе: G. R. Stanton. The Introduction of Ostracism and Alcmeonid Propaganda // *JHS* 90 (1970). 180–183.

³¹ J. J. Keaney, A. E. Raubitschek. A Late Byzantine Account of Ostracism // *AJPh* 93 (1972): 1, 87–91. Там же высказано предположение о феофрастовском происхождении

щихся в этом фрагменте, недвусмысленно следует, что первоначально голосование черепками по поводу остракизма производилось в Совете (*βουλή*), и только впоследствии эта прерогатива перешла к демосу. При этом процедура остракизма, как она описана в византийском тексте, предполагает, что под *βουλή* подразумевается афинский Совет четырехсот.³² Этот орган существовал в Афинах до реформы фил, проведенной Клисфеном в 508/7 г. до н. э., и был преобразован в Совет пятисот именно в связи с этой реформой, дабы новая численность Совета соответствовала десяти вновь созданным филам. Таким образом, совершенно неожиданно выясняется, что рассматриваемый текст содержит сведения об афинском остракизме доклисфеновской эпохи.³³

Существование такой формы остракизма, проводимой Советом, косвенно подтверждается и тем фактом, что остракизм в Совете зафиксирован в Афинах и для классической эпохи. Он назывался эк菲尔лофорией (*Aeschin. I*, 112; *Dinarch. fr. II*, 1–2; *Suid. s. v. ἐκφυλλοφορεῖν*),³⁴ и отличие этой процедуры от остракизма в собственном смысле заключалось единственно в том, что вместо черепков-остраконов члены Совета использовали листья оливы (кстати, уже встречавшиеся нам в связи с сиракузским петализмом), с помощью которых они изгоняли из состава этого органа своих дискредитированных коллег. Применение масличных листьев (не забудем, что оливы были в Аттике одной из главных святынь), очевидно, должно было способствовать сакральному характеру церемонии, ее большей торжествен-

фрагмента. См. также: Pecorella Longo Ch. La bulé e la procedura dell'ostracismo // *Historia* 29 (1980): 3, 257–281; С. И. Гинзбург. Малоизвестный византийский источник об остракизме // *Античное общество и государство* (Ленинград 1989) 41–51.

³² ὅτῳ δὲ ἀν ύπὲρ διακόσια γένηται τὰ ὄστρακα φεύγειν. Минимум в 200 голосов для признания остракизма состоявшимся предполагает общее число голосующих скорее в 400, нежели в 500 человек, иначе голосование не будет репрезентативным.

³³ Если не отвергать a *limine* данное свидетельство как неauténtичное, отнесение его к доклисфеновскому времени представляется едва ли не единственной мыслимой его интерпретацией. Правда, недавно было высказано предположение иного характера (Doenges. *Op. cit.*, 396–404), согласно которому в 508/7 г. Клисфен создал временный Совет четырехсот, которого и касался принятый им закон об остракизме, в 501/0 г. был учрежден постоянный Совет пятисот, а в начале 480-х гг. остракизм был по инициативе Фемистокла передан в ведение народного собрания. Однако эта гипотеза зиждется на весьма шатких основаниях. Не говоря уже о том, что нет никаких сведений, дающих повод говорить о подобных довольно странных манипуляциях Клисфена с численностью Совета, автору гипотезы приходится для ее подкрепления отвергать традицию об учреждении Совета четырехсот Солоном (*Arist. Ath. pol. 8, 4; Plut. Sol. 19*).

³⁴ E. S. Staveley. *Greek and Roman Voting and Elections* (Ithaca 1972) 94.

ности и весу,³⁵ что уже само по себе может свидетельствовать о древности процедуры.

Предположение об остракизме, в той или иной форме существовавшем в Аттике до Клисфена, позволяет непротиворечиво истолковывать некоторые кажущиеся загадочными указания источников. Так, известно о существовании достаточно устойчивой традиции (восходящей опять же к Феофрасту), утверждавшей, что остракизмом был изгнан из Афин уже Тесей.³⁶ Какой бы фантастичной эта традиция ни казалась, с таким авторитетом, как Феофраст, во всяком случае приходится считаться, и нельзя априорно, без попытки осмысления, отвергать свидетельство этого ученого, пожалуй, знавшего об остракизме больше чем кто-либо в классической древности. Р. Томсен утверждает, что в данном случае Феофраст употребил глагол ὀστρακίζειν метафорически.³⁷ Было бы неплохо, если бы в подтверждение своего мнения он привел хотя бы один пример метафорического употребления этого слова.³⁸

Мы, разумеется, далеки от того, чтобы принимать всерьез сообщение об остракизме Тесея. Единственное, что следует подчеркнуть, – тот факт, что в античности отнюдь не обязательно связывали введение остракизма с именем Клисфена. Параллельно существовало представление о гораздо более древнем происхождении этого института.

Далее, писатель I в. н. э. Птолемей Хенн в сочинении Καινὴ ἱστορία, дошедшем в кратком изложении Фотия, называет имя некоего Ахилла, сына Лисона, будто бы введшего остракизм в Афинах.³⁹ Какой бы низкой ни была репутация Птолемея Хенна как источника (а она действительно крайне невысока⁴⁰), трудно представить, что он

³⁵ Аналогичное наблюдение делает Бергер на примере Сиракуз: Berger. *Op. cit.*, 305. Характерно, что еще во II в. до н. э. в декрете афинского оргеона Великой матери (IG II/III² 1328₁₅₋₁₆) мы встречаем упоминание об отстранении от должности провинившихся жриц с помощью листьев.

³⁶ Schol. Aristoph. *Plut.* 627; Euseb. *Chron.* II, 50 Schoene; Suid. s. v. ὀρχὴ Σκυρία (со ссылкой на Феофраста); s. v. Θησείοισιν; Eustath. ad Hom. *Il.* IX, 666 (со ссылкой на Феофраста).

³⁷ Thomsen. *Op. cit.*, 14.

³⁸ Нам встречались такие примеры, но все они относятся к византийской эпохе, так что могут не приниматься в расчет. Более того, если учесть, что Феофраст называет Тесея *первым* афинянином, подвергшимся остракизму (ὁστρακισθῆναι δὲ πρῶτον Ἀθήνησι Θησέᾳ ἱστορεῖ Θεόφραστος ἐν τοῖς πρώτοις καιροῖς), метафора полностью исключена: не мог же Феофраст иметь в виду, что Тесей был первым изгнан из Афин!

³⁹ Phot. *Bibl.* cod. 190, 152 a 39–40: καὶ ὁ τὸν ὀστρακισμὸν ἐπινόησας Ἀθήνησιν Ἀχιλλεὺς ἔκαλεντο, νιός Λύσωνος.

⁴⁰ Thomsen. *Op. cit.*, 15.

просто выдумал несуществующее имя, да еще и с патронимиком. Характерно, что имя “Ахилл” совершенно чуждо аттической просопографии. Может быть, Птолемей Хенн что-нибудь перепутал (а вот этого от него вполне можно ожидать!), и названное им лицо в действительности ввело ostrакизм не в Афинах, а в каком-нибудь другом полисе?

Допущение существование процедуры, аналогичной ostrакизму, в Афинах доклисфеновского времени позволяет осмысленно интерпретировать найденный на Агоре ostrакон (черепок сосуда геометрического стиля конца VIII в. до н. э.) с надписью, сделанной ретроградным письмом: Πιστράτο[ς]. Предлагавшиеся в исследовательской литературе датировки этого черепка со знаменитым в афинской истории именем Писистрата сильно колеблются – от первой половины VII⁴¹ до начала V в. до н. э.,⁴² лишний раз напоминая нам о крайней нечеткости палеографических критериев датирования ostrаконов.⁴³ При этом сторонники наиболее поздней даты признают идентификацию данного граффито как ostrакона, связывая его с Писистратом Младшим, сыном тирана Гиппия, в то время как наиболее ранняя дата заставляет исключать какую-либо связь с ostrакизмом и относить черепок к Писистрату, архонту 669/8 г. до н. э.

Нам представляется более резонной промежуточная датировка этого памятника серединой VI в. до н. э.⁴⁴ В таком случае он безуслов-

⁴¹ L. H. Jeffery *The Local Scripts of Archaic Greece* (Oxford 1969) 70 (там же приводятся еще несколько граффити, напоминающих ostrаконы, но относящихся ко времени ранее V в. до н. э.); F. D. Harvey. Literacy in the Athenian Democracy // REG 79 (1966) 591; M. Lang. *Graffiti and Dipinti* (The Athenian Agora XXI, Princeton 1976) 17.

⁴² B. D. Meritt. An Early Archon List // *Hesperia* 8 (1939): 2, 63–64; M. F. Arnush. The Career of Peisistratos Son of Hippias // *Hesperia* 64 (1995): 2, 135–162 (реконструкция карьеры Писистрата Младшего, предлагаемая в последней работе, представляется совершенно фантастичной).

⁴³ В отличие от лапидарных текстов, особенно официального характера, частные надписи на глине, во-первых, несут всё разнообразие индивидуальных почерков. Во-вторых, что еще более важно, эти индивидуальные почерки, зафиксировавшись в молодости, как правило, мало меняются с годами и, во всяком случае, редко имеют тенденцию следовать за изменениями начертаний букв в надписях на камне, которые обычно и привлекаются в качестве критерия датировки. Характерный пример – два опубликованных ostrакона с именем Перикла с Агоры (Lang. Ostraka, 98), не только имеющие совершенно разный стиль в начертании букв, но и надписанные разными алфавитами – аттическим и ионийским (соответственно Περικλές | Χρανθίππο и [Πε]-ρικλῆς | Ξανθίππο). Вряд ли правомерно относить первый из них к очень уж раннему времени. Скорее он принадлежит руке пожилого афинянина, не спешившего перейти на новую орфографию.

⁴⁴ Ее предлагают: E. Vanderpool. Some Ostraka from the Athenian Agora // *Commemorative Studies in Honor of T. L. Shear* (Hesperia. Suppl. 8, Princeton 1949) 406 f.;

но будет относиться к единственному афинянину, носившему в это время редкое имя Писистрат, – к прославленному афинскому тирану. Последний, как известно, дважды изгонялся своими противниками из Афин. О способе или процедуре его первого изгнания можно только гадать, а вот второе его изгнание очень похоже на остракизм. На этот раз тиран покинул не только Афины, но и Аттику ($\alpha\pi\alpha\lambda\lambda\alpha\sigma\sigma\epsilon\tau\epsilon\text{ є}\kappa\tau\eta\zeta\chi\varphi\eta\eta\varsigma\; t\bar{o}\;\pi\alpha\pi\alpha\eta\eta\eta$, Herod. I, 61, 3). Ровно десять лет он странным образом бездействовал, участвуя в колонизации северного побережья Эгейского моря,⁴⁵ на одиннадцатом же году (Herod. I, 62, 1; Arist. *Ath. pol.* 15, 2) совершил высадку в Аттике, закончившуюся для него новым захватом власти.

Если Писистрат действительно стал жертвой остракизма, то спустя десять лет он требовал своего возвращения, с нетерпением ожидавшегося его сторонниками в Аттике, на вполне законном основании: ведь срок изгнания истек. Следовательно, и использование им, чтобы добиться соблюдения законности, вспомогательных союзных сил не противоречило в глазах современников принятым правовым нормам. Характерна та удивительная легкость, с которой тиран одержал победу над афинским ополчением при Паллениде (Herod. I, 63): очевидно, даже его противники понимали, что справедливость в данном случае не на их стороне.⁴⁶

Остракон с именем Писистрата не является изолированным. М. Лэнг в публикации граффити и дипинти с афинской Агоры приводит еще не менее трех десятков черепков VII–VI вв. с именами (а некоторые – и с патронимиками).⁴⁷ Не признавая их остраконами по хронологическим соображениям, исследовательница просто-таки приходит в растерянность при попытке предложить хотя бы какую-то интерпретацию этих памятников. Однако всё встает на свои места при их сопоставлении с бесспорными афинскими остраконами V в. до

A. E. Raubitschek. The Origin of Ostracism // *AJA* 55 (1951): 3, 222; A. R. Hands. Ostraka and the Law of Ostracism // *JHS* 79 (1959) 69 ff.; R. Develin. Cleisthenes and Ostracism: Precedents and Intentions // *Antichthon* 11 (1977) 10 ff.; idem. Bouleutic Ostracism Again // *Antichthon* 19 (1985) 13. Впрочем, почти ни в одной из перечисленных работ данное граффито не признается остраконом в юридическом смысле слова.

⁴⁵ D. Viviers. Pisistratus' Settlement on the Thermaic Gulf: A Connection with the Eretrian Colonization // *JHS* 107 (1987) 193–195.

⁴⁶ А. А. Молчанов, И. Е. Суриков. У истоков остракизма // *Власть, человек, общество в античном мире* (Москва 1997) 257–258.

⁴⁷ Lang. Graffiti and Dipinti, 16–20.

н. э., а также с остраконами из Херсонеса: типологическое сходство налицо.⁴⁸

Мы полностью присоединяемся к мнению Л. Холл,⁴⁹ согласно которому та форма остракизма, которая применялась в V в. до н. э., была продуктом длительного развития, протекавшего в течение десятилетий или даже веков. В конечном счете мы имеем дело с секуляризованной формой древнего, как мир, магического ритуала – изгнания “козла отпущения” (греч. φαρμακός). Отнюдь не случайно, что остракофория проводилась ровно раз в год – ни чаще, ни реже; изгнаник как бы уносил с собой грехи, накопившиеся в общине в течение очередного календарного цикла. Даже в классической афинской форме остракизма достаточно ощутимы определенные религиозные коннотации.⁵⁰

Интересно, что существуют свидетельства, донесенные до нас греческой мифолого-исторической традицией, о применении уже по меньшей мере в позднемиценское время изгнания на определенный срок (Apollod. II, 8, 3; Plut. Mor. 303 d; Paus. VII, 4, 2–3), причем срок этот равнялся именно десяти годам.⁵¹ Недавно была выдвинута интересная гипотеза, согласно которой происхождение остракизма со всеми его ритуальными импликациями лучше укладывается в исторический контекст архаической эпохи с ее межаристократической борьбой, чем в рамки полностью демократического политса.⁵²

⁴⁸ Такое сопоставление проводится в работе: Ju. G. Vinogradov. Ostrakophorie in Chersonesos Taurica und Athen: eine vergleichende Analyse samt historischen Aufschlüssen // *Akten des Kolloquiums “Gab es das griechische Wunder?”* (в печати).

⁴⁹ L. G. H. Hall Remarks on the Law of Ostracism // *Tyche* 4 (1989) 91–100; cp. P. Siewert. Accuse contro i ‘candidati’ all’ostracismo per la loro condotta politica e morale // *Contributi dell’Istituto di storia antica (Milano)* 17 (1991) 8.

⁵⁰ S. Ranulf. *Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens* II (Copenhagen 1934) 280; L. Moulinier. *Le pur et l’impur dans la pensée et la sensibilité des grecs jusqu’à la fin du IVe siècle av. J.-C.* (Paris 1950) 222; R. Parker. *Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion* (Oxford 1985) 269–270; С. Я. Лурье. *История античной общественной мысли* (Москва – Ленинград 1929) 154.

⁵¹ Молчанов, Суриков. Указ. соч., 256.

⁵² D. C. Mirhady. The Ritual Background to Athenian Ostracism // *Ancient History Bulletin* 11 (1997): 1, 13–19. Автор статьи подбирает еще несколько мифологических параллелей для остракизма (Геракл и аргонавты; Ахилл в ахейском лагере под Тройей), впрочем, достаточно косвенных и не вполне очевидных. Он сомневается в происхождении остракизма из обряда изгнания фармака, считая, что последний должен был принадлежать к какой-то маргинальной группе, и склонен скорее связывать этот институт с ритуалом “героя-атлета” (о котором см: J. Fontenrose. *The Hero as*

В целом, как мы полагаем, все вышеупомянутые данные в их совокупности позволяют с немалой долей уверенности судить о следующем: 1). Остракизм (или подобная ему процедура) ведет свою историю отнюдь не с рубежа VI–V вв. до н. э., его происхождение значительно древнее. 2). Афины не могут безоговорочно претендовать на право называться “родиной” остракизма.

Всё вышесказанное, помимо прочего, имеет прямые следствия для интерпретации херсонесских остраконов. Одно из сомнений в их трактовке как бюллетеней для остракизма имело в виду именно очень раннюю дату древнейших из этих памятников – самое начало V в. до н. э., едва ли не древнее первых применений остракизма в Афинах.⁵³ Это сомнение, как мы теперь видим, теряет всякую силу, если не сводить искусственно всю историю остракизма (пусть и неизвестную нам в деталях на большей части своей протяженности) к демократическим Афинам V в. до н. э.

III

Проблема идентификации тех или иных групп граффити как остраконов в техническом смысле, безусловно, весьма важна для тех случаев, когда количество этих памятников невелико, а существование процедуры остракизма не зафиксировано в письменных источниках. Афины – случай особый, уникальный. Именно на афинском материале М. Лэнг выдвинула ряд критериев идентификации.⁵⁴ Идеальным вариантом, конечно, является тот, когда о лице, упоминаемом на остраконе, известно из других данных, что оно было действительно изгнано посредством остракизма или подвергалось такой опасности (Мегакл, Перикл, Гипербол и др.), и притом датировка черепка и надписи совпадает с хронологией, содержащейся в нарративной традиции. Уже отталкиваясь от этих безусловных идентификационных критериев

Athlete // *Californian Studies in Classical Antiquity* 1 [1968], 73–104), что само по себе не вполне ясно. К тому же Д. Мерхади, очевидно, осталась неизвестной работа Л. Холл, в которой ясно показано, что в Греции было два типа “козлов отпущения”: “scapegoat beggar” и “scapegoat king”. Изгнанные остракизмом относились, конечно, ко второй категории.

⁵³ Ju. G. Vinogradov, M. I. Zolotarev. La Chersonèse de la fin de l’archaïsme // Ju. G. Vinogradov. *Pontische Studien* (Mainz 1997) 405–406 (в настоящее время авторы не сомневаются в предназначении херсонесских остраконов именно для процедуры остракизма: *eidem. L’ostracismo*, 116–119); Bacchielli. *Op. cit.*, 263.

⁵⁴ Lang. *Ostraka*, 7–8.

каций, можно идти дальше, трактуя как остраконы граффити того же типа, найденные в закрытых комплексах вместе с бесспорными остраконами (как остраконы Гиппократа, Калликсена и других лиц, неизвестных из письменных источников, найденные вместе с остраконами Аристида, Мегакла, Фемистокла). Новые идентификации позволяют делать дальнейшие шаги, опознавая остраконы из других групп. Впрочем, по мнению Лэнг, даже изолированные граффити с неизвестным именем можно идентифицировать как остраконы, если они встречаются в подходящем археологическом контексте в нескольких разных местах.

Изложенные критерии в высшей степени уместны для Афин, которые выгодно отличаются от подавляющего большинства других греческих полисов в целом ряде отношений – колоссальным количеством найденных остраконов, прекрасно известной просопографией и т. п. Ни Херсонес, ни Кирена, ни Мегары, ни Аргос ничем подобным похвастаться не могут. Следовательно, для всех неафинских групп остраконов необходим какой-то иной набор критериев, в большей степени приемлемый для них и не имеющий в виду специфических афинских условий.

Выработка таких критериев – по всей видимости, дело будущего. Пока же, в качестве первых шагов к решению этой задачи, необходимо попытаться дать ответ на сомнения, выражавшиеся по поводу интерпретации этих остраконов.⁵⁵ Ю. Г. Виноградов и М. И. Золотарев, поначалу высказывавшие эти сомнения, в настоящее время сами отказались от них. Однако их тогдашние аргументы остались в силе и требуют ответа.

Выше уже говорилось, что ранняя дата херсонесских остраконов сама по себе не может опровергнуть их использование в качестве бюллетеней для остракизма. Другое соображение связано с двумя черепками из этой группы, несущими одинаковую надпись: ---]АЛЛА-XAIP[---, в первом прочтении Ю. Г. Виноградова – [οὐχ ὁ δεῖνα], ἀλλὰ Χαῖρ[ίας vel sim.].⁵⁶ Издатели памятников замечают: “On connaît aussi des formules peu courantes du même genre sur des *ostraka* attiques. Mais notre cas ne convient pour aucune des formules peu courantes connues: ‘(Bannir) non un tel, mais Khairias’ n’aurait pas de sens” (*ibid.*).

⁵⁵ Vinogradov, Zolotarev. La Chersonèse, 406.

⁵⁶ Ныне Ю. Г. Виноградов склоняется к чтению [ὁ δεῖνα φυγά], ἀλλὰ χαῖρ[ετε]: Vinogradov, Zolotarev. L’ostracismo, 119.

Действительно, среди массы остраконов, найденных на афинской Агоре и на Керамике, встречаются черепки, на которых, помимо имени “кандидата”, имеются разного рода нестандартные формулировки. Чего только не встретишь на черепках-“бюллетенях”! Не считая банальных инвектив⁵⁷ – и небольшую эпиграмму, сочиненную неким остроумцем, судя по всему, *ad hoc*,⁵⁸ и строку из скolia,⁵⁹ и своеобразные рекомендации “кандидату” на изгнание, куда ему следует или не следует отправляться,⁶⁰ и рисунки-карикатуры,⁶¹ и многое другое. Собственно, нестандартные формулировки именно тем и нестандартны, что не подчиняются абсолютно никакой закономерности. В принципе, на остраконах можно ожидать любой надписи. В данной связи нам не вполне ясно приведенное выше возражение. Мы не видели бы ничего странного, бессмысленного или невозможного даже в формулировке “(Изгнать) не такого-то, а Хайрия”. Впрочем, новое прочтение “Так радуйтесь же!” кажется нам во всех отношениях предпочтительным, к тому же опирающимся на убедительные параллели.

Еще один аргумент против принадлежности херсонесских остраконов к остракизму связан с постулированием их альтернативной интерпретации как бюллетеней для голосования, применявшимся при выборах каких-то магистратов. Очевидным недочетом такой интерпретации является отсутствие опоры на сколько-нибудь близкие параллели. Эллинистическая Ольвия, где действительно найдены остраконы не только с единичными именами, но и со списками по пять

⁵⁷ См. примеры: H. B. Mattingly. Facts and Artifacts // *The University of Leeds Review* 14 (1971): 2, 277–297; Siewert. *Op. cit.*; S. Brenne. Ostraka and the Process of Ostrakophobia // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy* (Oxford 1994) 13–24.

⁵⁸ О так называемом остраконе Ксантиппа – “царице остраконов”, как его иногда именуют (J. H. Schreiner. The Origin of Ostracism Again // *Classica et mediaevalia* 31 [1976] 88) – уже имеется довольно обширная литература. Из важнейших работ см.: A. E. Raubitschek. The Ostracism of Xanthippos // *AJA* 51 (1947): 3, 257–262; A. Wilhelm. Zum Ostrakismos des Xanthippos, des Vaters des Perikles // *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse* 86 (1949): 12, 237–243; T. J. Figueira. Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // *Historia* 35 (1986): 3, 257–279; R. Merkelbach. Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // *ZPE* 62 (1986) 57–62.

⁵⁹ A. E. Raubitschek. Das Datislied // *Charites: Studien zur Altertumswissenschaft* (Bonn 1957) 234–242.

⁶⁰ D. M. Lewis. Megakles and Eretria // *ZPE* 96 (1993) 51–52; A. E. Raubitschek. Megakles, geh nicht nach Eretria! // *ZPE* 100 (1994) 381–382; G. R. Stanton. A Graffito on a Megakles Ostrakon // *ZPE* 111 (1996) 69–73.

⁶¹ S. Brenne. “Portraits” auf Ostraka // *AM* 107 (1992) 161–175.

имен (что исключает использование их для остракизма), не может считаться близкой и убедительной параллелью. То же можно сказать о декрете конца III – начала II вв. до н. э. из кеосской Иулиды (*IG XII 5, 595 A₇ sqq.*), предусматривающем избрание некоторых магistrатов с помощью листьев, на которых писали имена. Очень хотелось бы найти примеры избрания магистратов с помощью черепков или аналогичных предметов в греческом мире классической эпохи, но вот тут поиски оказываются тщетными. Правда, Ю. Г. Виноградов и М. И. Золотарев писали, что посредством петализма в Аттике избирали членов Совета и судей по демам,⁶² но здесь, очевидно, вкрадлось какое-то недоразумение: члены Совета в афинском полисе, как известно, избирались по жребию. Петализм (точнее, экфиллофория) действительно применялся в Совете, но, как говорилось выше, не для избрания, а для *исключения* его членов, т. е. он являл собой полную аналогию остракизму. Судьи же по демам не избирались, а голосовали листьями в процессах о лицах, незаконно вписанных в списки демотов (*εὗ τις ώς παρέγγυρα πτος ἐκρίνετο*), и путем такого голосования исключали их из этих списков (*Poll. VIII, 18*). Опять прямая параллель с остракизмом!

Изолированная буква “ню”, встречающаяся на нескольких херсонесских остраконах, может, конечно, быть трактована как сокращение наименования какой-то должности (например, “номофилак”), но такая трактовка не более вероятна, нежели любая другая. Кстати, существует остракон с именем Гиппократа, сына Алкмеонида (хранящийся в Гейдельберге), в разных местах которого расположены целых четыре буквы “ню”.⁶³ Издатель остракона, не мудрствуя лукаво, считает, что буквы были вписаны кем-то забавы ради еще до того, как черепок послужил остраконом.⁶⁴ Данный вопрос еще нуждается в дополнительном изучении. Не исключено, что “ню” может скрывать какое-нибудь

⁶² Е. И. Леви. *Ольвия. Город эпохи эллинизма* (Ленинград 1985) 94 сл.; Vinogradov, Zolotarev. *La Chersonèse...* 406.

⁶³ G. Németh. Ostraka in Heidelberg // *ZPE* 100 (1994) 383–384.

⁶⁴ Интересно, что там же, в Гейдельберге, хранится остракон с плохо сохранившимся списком имен (не менее четырех), датируемый серединой V в. (A. E. Raubitschek. Drei Ostraka in Heidelberg // *Archäologischer Anzeiger* 84 [1969]: 1, 107–108). Но ввиду полной изолированности этого памятника его сколько-нибудь надежная интерпретация пока невозможна. [С афинской агоры происходит остракон V в. до н. э. с семью именами в номинативе; два последних – женские, см.: M. Lang. *Graffiti and Dipinti (The Athenian Agora XXI, Princeton 1976)* D 39. – Ред.]

самое неожиданное сокращение, например, эпитет магического характера, навлекающий на “кандидата” проклятие.

Итак, с одной стороны перед нами интерпретация, не базирующаяся на современных параллелях: использование остраконов для выборов. С другой стороны – интерпретация, подтверждающаяся многочисленными параллелями, в том числе теперь уже не только афинскими: бюллетени для остракизма. Нам кажется, что вторая из этих интерпретаций по сумме всех имеющихся фактов выглядит значительно более убедительной.

Разумеется, глиняные черепки – этот удобный своей повсеместной доступностью материал,⁶⁵ который можно было в изобилии найти на любой улице, в любом доме, – в принципе могли использоваться для самых различных целей. Но все эти цели не имеют никакого отношения к рассматриваемым нами памятникам. Известно, например, что существовали детские игры с использованием черепков (*օστρακίνδα*, *ἐποστράκισμός* и др.).⁶⁶ Не исключено, что в каких-то из этих игр на черепках могли писаться имена. Во всяком случае, М. Лэнг в своем издании остраконов с афинской Агоры склонна связывать несколько экземпляров из их числа скорее с остракиной, чем с остракизмом.⁶⁷ Однако херсонесский материал заведомо не удовлетворяет такой интерпретации. Совершенно невероятно, чтобы несколько десятков остраконов с именами, а зачастую и с патронимиками, служили игровым целям. Само собой разумеется, что, поскольку речь идет о надписях, сделанных уже на черепках, а не на цельных сосудах, отпадает и интерпретация их как имен владельцев.

* * *

История остракизма, судя по всему, значительно продолжительнее и сложнее, чем это обычно считается. Институциализация феномена – от ритуала с сильными религиозными коннотациями до инструмента политической борьбы в демократических Афинах – происходила на протяжении значительного хронологического отрезка и в почти общегреческих географических рамках. Давние крепкие корни этого специфиче-

⁶⁵ Cp.: Diog. Laert. VII, 174. О дешевизне остраконов см.: U. Wilcken. *Griechische Ostraka aus Ägypten und Nubien* (Lpz. 1899) 5–6.

⁶⁶ Aristoph. *Equ.* 855 cum schol.; Plat. *Phaedr.* 241 b cum schol.; Plato *Com.* fr. 153 Kock; Epictet. *Diss.* IV, 7, 5; Hesych. s. v. *ἐποστράκιζειν*, *օστρακίνδα*; Eustath. ad Hom. II. XVIII, 543.

⁶⁷ Lang. *Ostraka*, 47–48.

ского института обеспечили ему достаточно длительное бытование в сложной и противоречивой, наполненной коллизиями и неожиданными поворотами событий политической жизни Афин V в. до н. э. – при всем том, что ostracism, как небезосновательно отмечалось, “was more attuned to an aristocratic than a democratic culture”.⁶⁸ В сущности, подлинную историю ostracizma еще предстоит написать.

И. Е. Суриков

Институт всеобщей истории РАН, Москва

Ostracism is usually considered to be an exclusively Athenian phenomenon. Nevertheless, scanty ancient tradition on non-Athenian ostracism (in Argos, Megara, Miletus, including also *petalismos* in Syracuse) has recently got confirmation from new archaeological finds. Solitary specimens of ostraka were uncovered during 1980s in Argos and Megara. Moreover, similar finds have been made even in cities never mentioned by ancient authors as connected with ostracism. A dozen ostraka from Cyrene were published in 1994, and several dozens from Chersonesus Taurica have been uncovered by M. I. Zolotarev and identified by J. G. Vinogradov. The Chersonesian collection is not only second (after the Athenian one) in number; it excels any other in its temporal extent (the whole fifth century BC at least). Those non-Athenian ostraka in combination with relevant narrative evidence give rise to anxiety about the Athenian priority in the introduction of ostracism which seems to have never been seriously disputed. Diffusion of ostracism throughout the Greek world, besides, as it appears, prevalently in Dorian and not Ionian cities; Aristotle's record of ostracism ἐν "Αργει καὶ Ἀθήνησιν (exactly in such sequence, not vice versa); an idea of sixth-century ostracism in Megara suggested by a very early date of some of ostraka from its colony's colony Chersonesus, – all these things compel to consider once again the priority question in connection with the problem of the time of the emergence of ostracism.

---

⁶⁸ Mirhady. *Op. cit.*, 19. Там же, впрочем, высказывается мысль об ограниченном применении ostracizma в Афинах. С последним мы не можем согласиться: ostracizm был чрезвычайно мощным оружием, своего рода “ядерной бомбой” в афинской политической жизни, и уже самим своим наличием, вне зависимости от частоты применения (или полного отсутствия такого, как в IV в.), он накладывал вполне определенный отпечаток на формы этой политической жизни, делая ее более спокойной и умеренной (D. Kagan. The Origin and Purposes of Ostracism // *Hesperia* 30 (1961): 4, 401; Thomsen. *Op. cit.*, 141–142). Случайно ли, что буквально сразу после изгнания Гипербала, когда идея ostracizma утратила популярность, Афины были потрясены резким ожесточением борьбы группировок, несколькими государственными переворотами, репрессиями, необдуманными радикальными мерами и всем тому подобным?

No doubt the “classical” form of ostracism that was in use in Athens during the fifth century BC was introduced by Cleisthenes. But there are good reason to believe that the “classical” form was neither the only nor the earliest one even in Athens. The implication of a now well-known Byzantine account of ostracism (Vatikanus Graecus 1144, fol. 222) is that there existed a form of *ostrakophoria* carried out by the Council of Four Hundred and therefore apparently pre-Cleisthenian. A kind of ostracism in the Council (*ekphyllophoria*, with olive leaves instead of ostraka) was part of Athenian practice even later. An assumption of a pre-Classical ostracism permits to interpret some enigmatic passages in ancient tradition, e. g. a Theophrastean account of the ostracism of Theseus, as well as Archaic ostraka from Athens (collected by M. Lang in *Agora XXI*), a potsherd with Peisistratus’ name being among them. The fifth-century ostracism was, therefore, a product of long evolution within almost pan-Hellenic geographical framework. Through decades and centuries it developed from a religious rite to a political weapon, and its genuine history is still to be written.